

Советский Союз в политике Сунь Ятсена (некоторые аспекты)

© 2017

Н.Л. Мамаева

В статье дан исторический анализ первого этапа российско-китайского сближения в период подъема национально-демократического движения 1920-х годов и влияния СССР на политический процесс в Китае. Освещена дружеская позиция к СССР Сунь Ятсена — лидера Гоминьдана, революционера-демократа и политического деятеля, которая оставалась стабильным фактором его внешне-политических взглядов.

Ключевые слова: Сунь Ятсен, В.И. Ленин, РКП(б)/ВКП(б), Гоминьдан, Компартия Китая, сотрудничество.

20-е годы XX века являлись переломным периодом для Китая. Западная парламентская система с трудом приживалась на китайской почве. Страна переживала состояние острой политической и социальной нестабильности и оказалась на распутье: либо углубление стагнации и полная потеря завоеваний Синьхайской революции, либо поиск новых форм развития, сильнее, чем прежде, учитывающих национальную китайскую специфику. Необходимость создания сильного централизованного государства, способного противостоять иностранному вмешательству, осознавалась многими политическими партиями и военно-политическими группировками, участвовавшими в политической жизни страны. Вместе с тем были очевидны разные подходы к определению путей и методов объединения и усиления Китая. Бросая ретроспективный взгляд на события 20-х годов, четко просматриваются две наиболее реальные модели развития. Одну модель революции и развития представляла партия Сунь Ятсена¹. Другая модель формировалась Коммунистической партией Китая, более молодой, чем Гоминьдан, однако активно включившейся в политическую жизнь буквально с момента своего создания в 1921 г. Обе партии находились в состоянии тесного взаимодействия с представителями Советского государства, с международным коммунистическим движением. Степень интенсивности прямых контактов Сунь Ятсена и Гоминьдана с представителями Советского государства и Коммунистическим Интернационалом, как показали недавние исследования, была значительно выше, чем это считалось ранее².

Несмотря на возросший интерес историков к практике сотрудничества Сунь Ятсена с китайскими коммунистами в период «первого сотрудничества КПК и Гоминьдана» (1922–1927 гг.), можно отметить недостаточное внимание китайских и западных ученых к теме «Сунь Ятсен и СССР», а также к тесно связанной с ней проблеме взаимодействия Сунь Ятсена и Коминтерна. В то же время в советской и российской историографии данная тематика исследована гораздо более подробно. Одна из причин — наличие большого количества работ различных жанров, написанных в СССР еще в 1920-е годы по следам

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.

революционных событий. Их авторы, как правило, непосредственные участники национально-революционного движения Китая 20-х годов: военные и политические советники, представители РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна в Китае тех лет, сотрудники различных ведомств, аккредитованных в Китайской Республике (КР). В силу этих причин российская историография ощущает «причастность» отечественной истории к истории национально-освободительного движения в Китае. Второй фактор — это значительное количество литературы мемуарного характера, написанной очевидцами событий. Наконец, работа в области публикации источников по теме «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (силами ИДВ РАН совместно с учеными Свободного университета Берлина издано 5 томов прежде не доступных читателю российских архивных документов; последний том издан в 2007 г.) усиливает документальную основу для изучения темы «СССР в политике Сунь Ятсена».

Тему нашего исследования можно рассматривать с двух сторон. Одна связана с вопросами внешнеполитического характера, другая — с изучением влияния СССР на политический процесс в Китае, то есть в значительной степени затрагивает внутренний аспект взаимодействия.

Контакты представителей Советского государства с Сунь Ятсеном не ставили на повестку дня проблему дипломатического признания Гуандунской революционной базы как государственного образования. В этом отношении позиция Советского правительства была четкой и однозначной, она ограничивалась различными формами поддержки и помощи национально-освободительному движению, исключала прямое военное вмешательство СССР в политическую борьбу в Китае и дипломатическое признание военного правительства Сунь Ятсена.

Выделяя внешнеполитические аспекты в политической практике Сунь Ятсена начала 1920-х, обратим внимание на его постоянное стремление добиться дипломатического признания со стороны Советского государства тех правительств Южного Китая, которые он возглавлял, формируя революционную базу на Юге Китая. Так, из письма к В.И. Ленину от 8 декабря 1922 г., отмечая великую миссию СССР как государства, провозгласившего принцип равноправия в международной политике, Сунь Ятсен выражал неодобрение по поводу идущих между РСФСР и Пекинским правительством переговоров. По его мнению, «переговоры с теперешним правительством в Китае не только потеря времени, но, пожалуй, и опасны», поскольку «Пекин теперь слуга и орудие империалистических держав...»³. Те же мотивы присутствовали и в письме Сунь Ятсена полпреду СССР в Китае Л.М. Карахану от 17 сентября 1923 г. Не отказываясь от содействия представителям СССР при подготовке Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой (принято в Пекине 31 мая 1924 г.), Сунь Ятсен писал следующее: «В случае, если Вы (Л.М. Карахан. — *Н.М.*) найдете безнадежными переговоры с Пекином на условиях, которые, не ущемляя суверенных прав китайского народа, поставили бы Новую Россию в положение международного равенства с другими иностранными державами, Вам, может быть, придется рассмотреть целесообразность приезда в Кантон (Гуанчжоу. — *Н.М.*) и переговоров с моим новым правительством, в настоящее время формирующимся, вместо того чтобы возвращаться в Москву с пустыми руками»⁴. В целом по-человечески понятная противоречивость в позиции Сунь Ятсена относительно стремления СССР к развитию дипломатических отношений с Пекинским правительством неоднократно проявлялась в процессе подготовки указанного выше Соглашения, отражалась в дебатах внутри Гоминьдана по этому вопросу, а также в дискуссиях с главным политическим советником Сунь Ятсена и Гоминьдана М.М. Бородиным.

Не углубляясь в сложности, возникавшие при подготовке данного документа, отметим специфику ситуации, когда Советское правительство, предпринимая усилия в направлении нормализации отношений с Пекинским правительством, одновременно активно

контактировало с его противником. Сунь Ятсен не раз характеризовал отношения с СССР как братские. Однако совершенно очевидно, что действия Советского правительства по заключению соглашения с Пекином воспринимались Сунь Ятсеном мучительно. Даже в Воззвании Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения (июль 1924 г.), в целом одобдившего Соглашение, Пекинское правительство по-прежнему называется «незаконным»⁵.

Сам ход рассуждений Сунь Ятсена по поводу ситуации с подписанием Соглашения демонстрирует, с одной стороны, понимание им необходимости создания дипломатических отношений между СССР и Пекинским правительством, официально признанным мировым сообществом. С другой стороны, он подчеркивал особую близость национально-освободительного движения в Китае с антиимпериалистической позицией СССР, высоко оценивал помощь СССР Гоминьдану в его реорганизации⁶.

В своем интервью корреспонденту «Кантон ньюс сервис» (март 1924 г.) Сунь Ятсен отметил: «Признает ли Пекинское правительство Советскую Россию — это только вопрос о дипломатических отношениях между Советами и Пекинским правительством, о чем я не могу высказывать никакого личного мнения. Прежде чем Карахан приехал в Пекин, Советское правительство уже показало свою позицию по отношению к моему правительству, совершенно отличную от позиции по отношению к Пекину... На самом деле дружественные отношения между моим правительством и Россией продолжаются. Они никогда не были прерваны, поэтому и не встает вопрос о восстановлении их специальным, формальным признанием, ибо мое правительство на деле признало Россию без всяких условий». Весьма показательны такие его слова: «...отношения между Советской Россией и моим правительством настолько дружественны, что похожи на отношения двух братьев и не нуждаются в таких формальностях, как признание»⁷.

Так или иначе, остается фактом, что Сунь Ятсен в целом способствовал нормализации отношений Советского и Пекинского правительств, повышая тем самым международный авторитет молодого Советского государства.

В связи с этим уместно подчеркнуть большую роль советских политических и военных советников в деле выведения партии Сунь Ятсена на новые горизонты политической деятельности. Главный советник Политсовета ЦИК Гоминьдана М.М.Бородин предпринимал большие усилия, пытаясь создать ему имидж сильной политической партии национального значения. Говоря о своем участии в подготовке Воззвания Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения, М.М.Бородин подчеркивал трудности, сопровождавшие его работу в этом направлении. Приходилось преодолевать инерцию политической пассивности Гоминьдана, а также недопонимание рядом представителей партии Сунь Ятсена международной обстановки и реального положения Пекинского правительства как основного субъекта международного права в международных отношениях Китая с другими государствами⁸.

Разъяснительная работа М.М.Бородина среди членов Гоминьдана, его давление на редакцию «Миньго жибао» — официальный печатный орган Гоминьдана, проводившую кампанию против заключения Соглашения, имела положительный эффект. Несмотря на все оговорки, связанные с проблемой признания Гоминьданом Пекинского правительства законным правительством Китая, Воззвание четко обозначило перед китайской и мировой общественностью антиимпериалистические позиции Гоминьдана, продемонстрировало одобрение соглашения между Россией и Китаем как соответствовавшего принципам равноправия и взаимного уважения сторон. Воззвание прямо выразило «благодарность (Советской России. — *Н.М.*) за справедливость и дружбу, проявленные Россией в связи с китайско-русским соглашением»⁹. Как опытный политик, Сунь Ятсен признавал слабость Гуанчжоуского военного правительства, в работе которого проявлялись элементы политической и социальной нестабильности, отсутствие четкой политической программы действий, зависимость от военной поддержки милитаристских группировок

Южного Китая, и понимал, что строительство дипломатических отношений реорганизованного правительства Гоминьдана с СССР — дело будущего.

Как уже отмечалось, другая сторона изучаемой темы — это влияние СССР на внутренний политический процесс в Китае, что концентрируется в значительной степени вокруг становления Гоминьдана как политической партии.

Адаптация Сунь Ятсена и его партии к новым реалиям осуществлялась постепенно и с помощью СССР, Коминтерна и китайских коммунистов. Значение этого фактора не следует недооценивать. С высоты сегодняшнего дня поэтапное сближение Сунь Ятсена и его сторонников с представителями Советского государства, РКП(б)/ВКП(б), китайскими коммунистами выглядит как объективный процесс. Советская и российская историография представляет убедительную картину «внутреннего притяжения» Сунь Ятсена и В.И.Ленина, Сунь Ятсена и представителей Советского государства. Как отмечает академик С.Л.Тихвинский, начиная с 1900 г. вплоть до марта 1923 г. В.И.Ленин в различных своих произведениях неоднократно отзывался с уважением и сочувствием к национально-освободительной борьбе китайского народа против империализма и феодализма, в работах 1912–1913 гг. он выражал симпатии российских революционеров-марксистов к Сунь Ятсену как представителю китайской революционной буржуазной демократии¹⁰.

В 1912 г. в статье «Демократия и народничество в Китае» В.И.Ленин характеризовал Сунь Ятсена как «революционного демократа, полного благородства и героизма»¹¹. Именно такая характеристика Сунь Ятсена является в настоящее время наиболее распространенной и в исторической науке КНР, позиция которой 15–20 лет назад относительно некоторых оценок деятельности Сунь Ятсена отличалась известной противоречивостью.

Революционные события в России, особенно их антиимпериалистическая направленность, имели в Китае сильный резонанс. Декрет Советской власти о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. и Обращение Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока 3 декабря 1917 г. декларировали новые принципы международных отношений и отказ от кабальных договоров, заключенных царской Россией и правительством Керенского, направленных на ущемление суверенных прав народов Востока¹². Сунь Ятсен сразу отреагировал на Октябрьскую революцию в России. Летом 1918 г., находясь в Шанхае, он через Канаду посылает приветственную телеграмму В.И.Ленину, в которой выражает надежду на сплочение «революционных партий Китая и России в целях совместной борьбы»¹³. С 1920 г. переписка между дипломатами и представителями Советского правительства (нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, полпреды в Китае А.А. Иоффе и Л.М. Карахан) с Сунь Ятсеном стала постоянным фактором процесса сближения, в ходе которого осуществлялась адаптация теории и практики Сунь Ятсена к вызовам времени. В целях формирования «гоминьдановской» модели революции применялся выборочный подход к заимствованию революционного опыта Советского государства. Как нам представляется, именно контакты Сунь Ятсена с представителями Советской власти постепенно подвели его к решению о сотрудничестве с Коминтерном и китайскими коммунистами, сыгравшему значительную роль в реорганизации Гоминьдана.

Не останавливаясь подробно на перипетиях переписки, хорошо освещенной в трудах С.Л. Тихвинского, А.И. Картуновой, Р.А. Мировицкой, Н.Л. Мамаевой, выделим основные области в практике Советского государства, вызвавшие особый интерес Сунь Ятсена. К ним относятся партийное строительство, организация Советов как органа представительной власти, искусство партийной пропаганды, государственное и военное строительство в СССР, согласно которому партия управляет военными силами, система народного образования, «новая экономическая политика» (НЭП) (осуществлялась в СССР с 1921 по 1929 гг. — *Н.М.*).

Как показывает анализ документов, наиболее реалистичные оценки внутривнутриполитической борьбы в Китае и Гоминьдана как политической партии давались в начале 20-х

годов главным образом представителями Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) в Китае и отражались затем в решениях Политбюро ЦК РКП(б). Здесь особое место занимает Коммюнике Сунь Ятсена — А.А. Иоффе от 26 января 1923 г. В Коммюнике Советская сторона констатировала, что Китай в его борьбе за «национальное объединение и приобретение полной национальной независимости пользуется самой горячей симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России»¹⁴. Полпред РСФСР также подтвердил новые принципы внешней политики Советского государства по отношению к Китаю, в том числе по вопросам, связанным с эксплуатацией КВЖД и по проблеме Внешней Монголии. Коммюнике продемонстрировало совпадение взглядов Сунь Ятсена и А.А. Иоффе на китайско-русские отношения.

Следует отметить, что Сунь Ятсен счел необходимым включить в этот документ положение, согласно которому «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там не существует тех условий, которые необходимы для успешного утверждения коммунизма или советизма». Согласно А.А. Иоффе с этим положением также отражено в документе¹⁵. Документ зафиксировал уважительное отношение советской стороны к Гоминьдану как к крупному фактору китайской политики, заверив его в отсутствии в Советской России намерений внедрять в Гоминьдан коммунистические идеи и навязывать Китаю советский строй. Коммюнике открыто провозгласило интернациональные позиции Советской внешней политики в Китае, обозначив контуры взаимодействия национально-революционного и коммунистического, в лице Советской России, движений.

Полпред А.А. Иоффе, разрабатывая планы помощи партии Сунь Ятсена, проявлял высокую степень интернационализма, демонстрируя на практике возможность согласования интересов национальной политики СССР и позиции интернациональной поддержки национально-освободительного движения Китая¹⁶. Сочувствуя всей душой партии Сунь Ятсена в ее борьбе за единый и независимый Китай, он был далек от позиции «национального эгоизма». Его подробная информация руководителям РКП(б), Советского правительства и Коминтерна о военных планах Сунь Ятсена и его рекомендации легли в основу решений Политбюро ЦК РКП(б) от 8 марта 1923 г. об оказании финансовой поддержки Сунь Ятсену (около двух миллионов мексиканских долларов), а также помощи политическими и военными советниками¹⁷. Таким образом Советская сторона выразила свое согласие удовлетворить просьбу Сунь Ятсена о поддержке его политики, содержащуюся в письме к А.А.Иоффе от 20 декабря 1922 г.¹⁸ Телеграммой от 1 мая 1923 г. Советское правительство известило Сунь Ятсена о своей готовности поддержать Гоминьдан. Предусматривалось направить в Китай политических и военных советников и выделить Сунь Ятсену 2 млн рублей на политику реформ¹⁹. Еще ранее, решениями от 8 марта, Политбюро ЦК РКП(б) отвергло нереалистичные элементы военных планов Сунь Ятсена, предусматривавшие непосредственное военное вмешательство Красной Армии в военные действия в Китае на стороне Гоминьдана²⁰.

С принятием Коммюнике Сунь Ятсена — А.А. Иоффе линия контактов перешла на новый уровень — практического взаимодействия Сунь Ятсена и Гоминьдана, с одной стороны, и Москвы, а также КПК, — с другой. Основное направление сотрудничества определялось задачей реорганизации Гоминьдана и созывом его I съезда. Оно становится реальным политическим фактором, корректирующим прежние представления Сунь Ятсена и Гоминьдана о содержании и движущих факторах политической борьбы и государственности.

Основная нагрузка в реорганизации Гоминьдана ложилась на партийное и военное строительство, значительно отличавшееся от старой практики построения партии как строго конспиративной организации профессиональных революционеров, опиравшейся исключительно на армию, не имевшей опыта пропагандистско-воспитательной работы в партии и в массах, сохранявшей традиции «тайных обществ» и не обладавшей

четкими программой и уставом. Особое значение в новом партийном строительстве придавалось Сунь Ятсеном помощи китайских коммунистов, которые, несмотря на молодость КПК, в короткий срок овладели хорошими организационными и пропагандистско-воспитательными навыками работы в массах, и, по словам Сунь Ятсена, своей активной деятельностью в рамках «единого фронта» с Гоминьданом, осуществлявшейся с лета 1922 г., «влили новую кровь в Гоминьдан», способствуя его возрождению.

Сближение Сунь Ятсена с РКП(б), международным и внутренним коммунистическим движением дало толчок к разработке в Гоминьдане политической программы, нового организационного строительства партии, новой военной политики, овладения искусством пропагандистской работы. Вступление коммунистов в Гоминьдан, согласно «августовской инструкции» ИККИ 1922 г. об «индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан»²¹ и решение Сунь Ятсена о сотрудничестве стало составной частью движения обновления Гоминьдана с помощью СССР (финансовой, оружием, советниками и т.д.).

Показательным примером эффективного сотрудничества Сунь Ятсена с политическими советниками в период подготовки и проведения I съезда Гоминьдана (январь 1924 г.) может служить такой эпизод: один из наиболее важных документов I съезда Гоминьдана — резолюция «О необходимости создания Национального правительства» — был принят при непосредственном участии М.М. Бородин. Ему удалось скорректировать стремление Сунь Ятсена к немедленному объявлению съездом о создании правительства всего Китая. М.М. Бородин доказал Сунь Ятсену преждевременность принятия такого решения в силу неподготовленности партии²². Правомерность точки зрения М.М. Бородин о том, что Гоминьдан прежде всего должен пройти этап организационного и идейно-политического становления и преобразования, предусмотренного Манифестом и другими документами съезда, подтверждена дальнейшей историей Гоминьдана. Сунь Ятсен и съезд приняли ориентированную на будущее резолюцию «О необходимости создания Национального правительства», чем обеспечили Гоминьдану исторический шанс для его становления как политической «партии действия».

Новые программа и устав, принятые на I съезде Гоминьдана, в общих чертах как бы зафиксировали процесс формирования «партии действия»²³. В основу принятой съездом политической программы Гоминьдана в национальной революции, которая уточнялась и в определенной степени была скорректирована II съездом Гоминьдана (январь 1926 г.), были положены теория и политическая практика лидера партии Сунь Ятсена. Из «трех народных принципов» (национализм, народовластие и народное благосостояние) в 1920-е годы роль основного инструмента поэтапного внедрения в политическую жизнь всего учения отводилась принципу народовластия²⁴. Сунь Ятсен давал ему широкое толкование: это и символ нового политического устройства, отличающегося и от парламентской республики западного типа, и от системы диктатуры пролетариата, это и теория «четырех прав» народа и «пяти конституционных властей», которые рассматривались в тесной связи с планом «строительства государства», это и в самом общем виде — «основа политической революции», возглавляемой Гоминьданом²⁵.

Анализ конкретных положений политического курса Сунь Ятсена говорит о том, что ядром политической теории Сунь Ятсена являлась его теория трехэтапного государственного развития (военный, политической опеки и конституционный). Составная часть этой теории — взятие власти Гоминьданом военным путем, в обход парламентских методов, и реформистская социально-экономическая политика. Революция, согласно планам Сунь Ятсена, совершается в форме военного похода. Массовое движение — демонстрации, стачки и другие его формы — имеет вспомогательное значение. Новые тенденции в политической теории и практике Сунь Ятсена, связанные с обращением к антиимпериалистической борьбе, с включением в сферу партийной деятельности массового движения и социальной политики, с новым партийным строительством и с созданием армии, подчиняю-

щейся партийному руководству, накладывались на уже разработанную им в предыдущие годы основу представлений о политическом строе и революционной стратегии и тактике.

Характерная черта учения Сунь Ятсена, его так называемых новых трех народных принципов, сформировавшихся в 1920-е годы — это выборочный подход к опыту мирового революционного движения. Для политической платформы Сунь Ятсена характерно стремление учитывать специфические особенности исторического и политического развития страны — особую роль армии, финансовой и налоговой политики, проблему соотношения центральной и местных властей. Задача сохранения политической и социальной стабильности, занимающая и в современный период реформ и открытости прочные позиции в стратегии модернизации, выступала в планах Сунь Ятсена одним из важнейших критериев при принятии важных решений. Значение I съезда Гоминьдана трудно переоценить.

Анализ документов I съезда Гоминьдана²⁶ показывает, что перед Гоминьданом ставилась конкретная задача синтеза навеянных мировым революционным процессом антиимпериалистических идей, идеи вовлечения в сферу партийной политики народных масс с планами военной революции Сунь Ятсена, с его реформистской социальной политикой и теорией поэтапного «строительства государства». Принятый съездом курс на создание партии и армии нового типа, то есть, массовой «партии действия» с достаточно четкими программой и уставом, и армии, подчиняющейся партийному руководству, как показывает история, в значительной степени обеспечил победу Северного похода и объединение Китая под властью Гоминьдана. Используя помощь представителей советских учреждений, советских военных и политических советников, китайских коммунистов и КИ, Гоминьдан сумел осознать свою роль в новых исторических условиях, обеспечил себе не только идейно-политическую поддержку, но и финансово-материальную помощь со стороны Коминтерна и Советского государства. Решениями I съезда Гоминьдана на политическую арену Китая вышла партия, обладавшая революционным потенциалом и учитывавшая китайскую специфику²⁷.

Выделим некоторые наиболее существенные направления, демонстрирующие выборочный и творческий подход Сунь Ятсена к революционному опыту СССР. Хотя для Сунь Ятсена было характерным недовольство политикой западных держав и Японии в Китае, однако понимание необходимости включения антиимпериалистических требований в программу национальной революции пришло только в ходе контактов с представителями Москвы и Коминтерна, в частности с политическим советником Гоминьдана М.М. Бородиным²⁸. Интересно отметить, что позиция М.М. Бородина по вопросам, связанным с антиимпериалистическими и внешнеполитическими мотивами программы Гоминьдана, формировалась под непосредственным влиянием представителей внешнеполитических ведомств Советской России в Китае и, прежде всего, полпреда в Китае Л.М. Карахана. Являясь преемником полпреда А.А. Иоффе в вопросе ориентации Советской России на Сунь Ятсена, поддерживая с Сунь Ятсеном постоянную связь, Л.М. Карахан обладал значительной информацией о Сунь Ятсене и Гоминьдане, которой охотно делился с М.М. Бородиным. Позиция Л.М. Карахана по вопросам политической платформы Гоминьдана в области конкретной антиимпериалистической политики характеризовалась взвешенным подходом и в этом выгодно отличалась от эмоционального настроя, имевшего в то время место в руководстве Коминтерна²⁹.

В отличие от установок Коминтерна, выдвигавших требование борьбы с империалистическими державами на передний план политической программы, Сунь Ятсен приоритет отдавал борьбе с милитаристами и созданию строго централизованного государства как обязательного условия отмены неравноправных договоров³⁰. На основе решений I съезда и по мере развития деятельности Гоминьдана складывался поэтапный план отмены неравноправных договоров.

Влияние партийного и военного опыта Советской России было очень большим на протяжении всего хода сотрудничества Сунь Ятсена с Советской стороной и с РКП(б).

Наиболее важные результаты взаимодействия в этом направлении можно констатировать по результатам визита в СССР военной делегации Гоминьдана, состоявшегося 2 сентября — 29 ноября 1923 г. В ходе визита была отмечена бесперспективность опоры Гоминьдана исключительно на военную силу и вооруженную борьбу без проведения предварительной политической работы³¹. Как было подчеркнуто советскими представителями, «не следует забывать и военную работу, но к военным операциям в широком масштабе можно будет приступить только тогда, когда будет проделана большая политическая работа, будут подготовлены те внутренние факторы, которые значительно облегчат военную часть работы»³². Строительство собственных вооруженных сил по типу Красной Армии, включающее централизацию армии, ее политическое воспитание и подчиненность партийному и политическому руководству, изменило традиционную для Сунь Ятсена политику опоры на армии отдельных, лояльных к Гоминьдану милитаристских группировок.

Весьма примечательно, что в ходе визита военной делегации Гоминьдана в СССР Советское правительство четко обозначило свою позицию — невмешательства Красной Армии во внутренние дела Китая на стороне Гоминьдана в его борьбе с милитаристскими группировками³³. Таким образом, Гоминьдан при дальнейшей разработке своей военной политики должен был ориентироваться на собственные силы. В конечном итоге, такая ситуация подталкивала партию Сунь Ятсена к мобилизации усилий в партийном строительстве и в области «строительства государства».

Одной из основных форм помощи Советской России партии Сунь Ятсена определялась подготовка командных и политических кадров для армии Сунь Ятсена в Китае и Москве; предусматривалась также помощь военными и политическими советниками³⁴. Знакомство делегации Гоминьдана с деятельностью Красной Армии, ее организационными и политическими структурами, достижение договоренности о получении помощи по военной линии имели для партии Сунь Ятсена далекоидущие последствия.

Особое место занимает проблема материально-финансовой помощи Москвы и Коминтерна Гоминьдану в его партийном и политическом строительстве, в организации и проведении Северного похода. Не останавливаясь на количественных оценках помощи Москвы и Коминтерна, отметим некоторые моменты. Во-первых — это фактор своевременности получения партией Сунь Ятсена помощи оружием, советниками, деньгами, затратами на подготовку политических и военных кадров. Добавим к этому, что материально-финансовая поддержка Гоминьдана Советским правительством и Коминтерном оставалась стабильным фактором взаимодействия в течение длительного периода, на протяжении 1923 — лета 1927 г., вплоть до разрыва Гоминьдана с китайскими коммунистами, не прерываясь даже в периоды развития конфронтационных процессов между Гоминьданом и Коминтерном³⁵. Нельзя не отметить, что помощь со стороны Советского государства и Коминтерна оказывалась в тяжелейший для молодой Советской Республики период ее становления, когда советские граждане сами нуждались в помощи и поддержке.

Таким образом, советская помощь Сунь Ятсену и его партии имела свои особенности. Она была многоаспектной и комплексной, выходила за рамки материально-финансовой и военной помощи. В целом, Сунь Ятсену импонировал революционный энтузиазм страны Советов и Коминтерна. В известной степени Гоминьдан чувствовал свою сопричастность к мировому коммунистическому движению, вернее, к его антиимпериалистическому аспекту. Читая документы, связанные с визитом военной делегации Гоминьдана в Советскую Россию, ощущаешь искренность порыва Гоминьдана к единению с партией большевиков, сумевшей отстоять государственный суверенитет в борьбе с многочисленными противниками.

Результаты сотрудничества убедительно свидетельствуют о проводившейся Сунь Ятсеном и его партией политике «опоры» Сунь Ятсена на СССР, хотя, как мы подчеркиваем, речь идет о выборочном использовании советского опыта.

Используя отдельные, хотя и, на наш взгляд, принципиально важные для формирования программы национального спасения рекомендации Коминтерна и Москвы, Сунь Ятсен не отступал от своего принципа приоритета общенациональных целей объединения страны над интересами отдельных классов и социальных слоев. В этом отношении он проявлял твердость и отвергал те предложения и рекомендации, которые, по его мнению, не отражали китайские реалии. Так, на этапе подготовки Манифеста I съезда и в ходе работы I съезда Гоминьдана были отвергнуты установки Коминтерна на классовую борьбу, прежде всего, отрицались радикальные подходы к решению аграрно-крестьянского вопроса и ряд других моментов³⁶.

Отметим также видение Сунь Ятсеном рекомендованного Коминтерном сотрудничества Гоминьдана с китайскими коммунистами, значение которого в реорганизации Гоминьдана и в успешном осуществлении Северного похода очевидно. Следует подчеркнуть, что оно изначально не было равноправным сотрудничеством двух партий и не предусматривало равнозначного участия коммунистов во властных структурах. В связи с этим отметим, что намерение Коминтерна и в значительной степени КПК превратить сотрудничество в инструмент реальной власти, закрепить его организационно, противоречило замыслам Сунь Ятсена и программе Гоминьдана. После смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. позиция Гоминьдана по этому вопросу еще более ужесточилась, более того, достигла уровня «кровавой развязки», которой, возможно, удалось бы избежать самому Сунь Ятсену. Волею обстоятельств на месте Сунь Ятсена не оказалось равнозначной фигуры, способной адаптировать политическую программу Гоминьдана к условиям военного времени и придать новый импульс сотрудничеству с СССР и КПК.

Отметим, что эффективность политики Москвы и Коминтерна в Китае в «военный период строительства государства» Сунь Ятсена измерялась в первую очередь успехом гоминьдановской армии в Северном походе, политическая и военная подготовка которого осуществлялась с помощью СССР и китайских коммунистов. Это заключение находит полное подтверждение в материалах российских архивов.

Трагический разрыв «единого фронта» КПК и Гоминьдана в июле 1927 г. резко ухудшил отношения между центральными (гоминьдановскими) властями и Советским Союзом. Антикоммунистическая истерия, захватившая Китай с 1927 г., привела к ликвидации в 1929 г. дипломатических отношений КР и СССР. Восстановление дипотношений имело место в 1932 г., однако прошло немало времени до возобновления относительно дружеских связей между государствами, к сохранению и развитию которых призывал Сунь Ятсен, в том числе, в своем Воззвании Гоминьдану перед своей смертью в марте 1925 г. Между тем заветы Сунь Ятсена Гоминьдану о необходимости сотрудничества и дружбы с СССР оставались живы в среде прогрессивной китайской интеллигенции и отдельных представителей левого крыла Гоминьдана. После начала агрессии Японии в Китае в 1931 г. и перехода Японии в 1937 г. к ширококомасштабным военным действиям против КР имели место развитие патриотического антияпонского движения в Китае и рост национального самосознания, способствовавшие оживлению демократического движения в стране и развитию тенденции сближения КР с СССР. Начало японо-китайской войны сопровождалось подписанием между сторонами в августе 1937 г. Договора о ненападении, что вывело страну из состояния экономической и политической блокады. Предусмотренные договором финансовая помощь СССР, поддержка вооружением и военными советниками, а также героические действия летчиков-добровольцев разрушили планы агрессора о молниеносной войне и быстрой победе, усилили позиции Китая на международной арене, подтвердили завет Сунь Ятсена о необходимости укрепления сотрудничества и дружеских связей с СССР. Прекращение гражданской войны и карательных походов Гоминьдана против коммунистов, тесно связанное с условиями СССР при заключении Договора между сторонами, было также одним из важных факторов усиления боеспособности НОА и препятствием капитуляции Китая перед японским захватчиком.

Концепции и планы Сунь Ятсена, в некоторой степени продолженные руководством КР в 30-е — 40-е годы XX века в рамках программы реформ (в государственном строительстве и управлении, в экономике, здравоохранении, в аграрной политике, то есть, в сфере внутривластного, экономического и культурного строительства), особенно в «нанкинское десятилетие» (1927–1937 гг.), в области внешней политики четко проявились в Договоре 1945 г. (подписан 14 августа 1945 г.). Договор укреплял конструктивный характер отношений между СССР и КР. Он содержал обязательства сторон вести войну против Японии до полной победы, уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга. На следующий день после начала второго раунда переговоров 9 августа советские войска перешли в наступление на японские позиции в Маньчжурии. Вступление СССР в японо-китайскую войну на стороне КР, по сути, гарантировало поражение Японии в войне с Китаем, а в целом победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне³⁷.

Нельзя не сказать о том, что важная роль в разъяснении и пропаганде учения Сунь Ятсена, его точки зрения на значение для Китая развития китайско-российских отношений принадлежала его соратнице и супруге госпоже Сун Цинлин. После смерти Сунь Ятсена она активно занималась общественной и политической работой, входила в руководящие органы Гоминьдана, тяготела к его левому крылу. Действуя уже в изменившихся политических и экономических условиях, она в своей пропаганде и практике акцентировала демократические тенденции учения и практики Сунь Ятсена, сотрудничала с демократическими общественными организациями, прежде всего Демократической Лигой, во имя создания фронта сопротивления населения японской агрессии³⁸.

Советская сторона выражала большой интерес к мнению Сун Цинлин по вопросам внутренней и внешней политики КР, обсуждала проблемы подготовки и заключения Договора о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китайской Республикой (август 1945 г.), который, по словам Сун Цинлин, левое крыло Гоминьдана встретило с большим воодушевлением³⁹. Советский Союз продолжал занимать особое место в мировоззрении и политической практике Сун Цинлин.

Накануне образования КНР она активно участвовала в подготовке создания Общества китайско-советской дружбы (возглавила его в 1954 г.), являясь председателем Подготовительного комитета по созданию Общества. Выступая 5 ноября 1949 г. на учредительном собрании Всекитайского общества китайско-российской дружбы, она коротко и четко определила заслуги СССР в образовании Китайской Народной Республики. Как утверждала Сун Цинлин, «Советский Союз был первой страной, аннулировавшей все неравноправные договоры с Китаем, оказал помощь Китаю в период великой революции 1924–27 гг.» И далее: «Мы вспоминаем, как помог нам Советский Союз при отражении японской агрессии, особенно когда послал войска в Маньчжурию в 1945 году...»⁴⁰. Сун Цинлин принадлежат слова: «На протяжении последних 30 лет нашей упорной борьбы против врагов внутри страны и за границей Советский Союз был нашим единственным последовательным и лояльным другом, сейчас этот самый надежный друг китайского народа первым признал наше новое Центральное народное правительство»⁴¹.

Исторический опыт развития китайско-российских отношений предлагает для осмысления немало материалов, отражающих стиль и особенности межличностных, межпартийных и межгосударственных связей. Развитие отношений на современном этапе подтверждает возможность развития того типа отношений, к реализации которого стремился в начале XX века великий мыслитель, политический и общественный деятель — Сунь Ятсен.

1. В политической истории Китая начала XX века партия Сунь Ятсена выступала носителем прогрессивных тенденций в переходе от традиционного общества к современному. В своей истории она пережила ряд кризисных ситуаций и прошла через серию реорганизаций. Образованная в 1894 г. под названием Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй), в 1905 г. она была реорганизована в общеитайскую партию Объединенный союз (Тунмэнхуэй). Партия Сунь Ятсена возглавила работу по подготовке и проведению Синьхайской революции 1911 г., предпринявшей попытку слома традиционной структуры старого Китая. Свержение маньчжурской династии и построение фасада республиканского строя в 1911–1912 гг. положило лишь самое начало процессам перестройки в социально-экономической и политической областях. В русле взятого курса на развертывание парламентских форм борьбы в августе 1912 г. Объединенный союз был реорганизован в Гоминьдан (Национальная партия). В ноябре 1913 г. президент Юань Шикай, со ссылкой на «пожелания провинциальных властей», издал указ о роспуске Гоминьдана. В июле 1914 г. Гоминьдан был реорганизован Сунь Ятсеном в Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминдан). Ее основной задачей объявлялась борьба против диктатуры милитаристской клики Юань Шикая, за восстановление демократических учреждений и конституции 1912 г. Истощив возможности борьбы «в защиту конституции», Сунь Ятсен в октябре 1919 г. пришел к выводу о необходимости осуществления новой революции в Китае, направленной на создание политической системы, отличной как от западных демократий, так и от государства диктатуры пролетариата. Преобразование Чжунхуа Гэминдан в Чжунго Гоминьдан стало исходным пунктом нового партийного строительства и началом процесса реорганизации партии, осуществлявшейся с помощью СССР, международного и внутреннего коммунистических движений.
2. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. М., 1999; *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении Китая: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.) М., 2000; *Сотникова И.Н.* Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика 1919–1943 гг. М., 2015; *Го Хэньюй.* Эгун мидан юй чжунго гэмин ши яньцзю: [Секретные архивы ВКП(б) и изучение истории китайской революции]. Харбин, 1998; *Ли Юйчжэнь.* Сунь Чжуншань юй гунчань гоцзи: [Сунь Ятсен и Коминтерн]. Тайбэй, 1996.
3. *Сунь Ятсен.* Из письма В.И.Ленину (8 декабря 1922 г.) // Сунь Ятсен. 1866–1986: К 120-летию со дня рождения. Сб. ст., воспоминаний, документов и материалов. М., 1987. С. 286.
4. *Сунь Ятсен.* Письмо Л.М.Карахану (17 сентября 1923 г.) // Там же. С. 288.
5. Воззвание Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения (июль 1924 г.) // Там же. С. 308–309. Речь идет о принятом после длительной подготовки обеими сторонами (СССР и КР) Соглашении об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г.
6. Там же. С. 307.
7. Там же. С. 303.
8. Российский Государственный Архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 98. Л. 111–117; Ф. 514. Оп. 1. Д. 94. Л. 317–323; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 121. С. 462.
9. Воззвание Гоминьдана по поводу китайско-русского соглашения... С. 309.
10. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика // *Тихвинский С.Л.* Избр. произв. Кн. 2: История Китая первой четверти XX века. М., 2006. С. 11.
11. *Ленин В.И.* Демократия и народничество в Китае // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 402.
12. Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 11–14, 34–35.
13. *Тихвинский С.Л.* Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ // Сунь Ятсен. Избр. произв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 28.
14. Советско-китайские отношения: 1917–1957. Сб. док. М., 1959. С. 65.
15. Там же.
16. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 51. С. 153.
17. Там же. Док. № 64. С. 206.
18. Там же. Док. № 51. С. 152–154.
19. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. С. 29.
20. *Мамаева Н.Л.* Указ.соч. С. 45; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 60. С. 193–194, 196; Док. № 61. С. 200.

21. *Saich Tony*. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (alias Maring). Leiden, 1991. V. I. P. 345–346.
22. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. № 111. С. 396–397, 434–441. См. также: Чжунго Гоминьдан ди и, эр цы цюаньго дайбяо дахуэй хуэйи шилиао: [Материалы по истории I и II съездов Гоминьдана]. Нанкин, 1986. Т. 1. С. 12–16.
23. См.: Чжунго Гоминьдан ди и, эр цы цюаньго дайбяо дахуэй хуэйи шилиао; Чжунхуа миньго ши данъань цзыляо хуэйбянь. Цун Гуанчжоу цзюнь чжэнфу чжи Ухань гоминь чжэнфу. 1917–1927: [Сборник архивных материалов по истории Китайской Республики. От Гуанчжоуского военного правительства до Уханьского правительства. 1917–1927]. Нанкин, 1986.
24. Подробно см: *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 87–89.
25. *Сунь Ятсен*. Избр. произв. С. 490, 492–493, 655.
26. Чжунго гоминьдан ди и... С. 4–79, 99–101, 228–230.
27. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Указ.соч. С. 85–107.
28. Чжунго Гоминьдан ди и... С. 12, 21–22; Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986. Док. № 13. С. 44; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Док. № 111. С. 380–382, 390, 420, 430–431.
29. Там же. Док. № 86. С. 266; № 103. С. 355–356; Док. № 110. С. 378.
30. *Сунь Ятсен*. Избр. произв. С. 366; Чжунго Гоминьдан ди и... С. 103–104.
31. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Док. № 92. С. 279–280.
32. Там же. Док. № 92. С. 280.
33. Там же. С. 307.
34. Там же. С. 281; Док. № 83. С. 257–258.
35. Подробно см: *Мамаева Н.Л.* Указ. соч.
36. Коммунистический Интернационал и китайская революция. Док. № 9. С. 30; Док. № 13. С. 43.
37. Китайская Республика (1912–1949). Т. 7. М., 2013. С. 406–409 // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. М., 2013.
38. *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости: 1898–1949. М., 1996. С. 342–376.
39. См. подробнее: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Кн. 2 (1946 — февраль 1950). Док. № 683, 733.
40. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. V. Кн. 2. С. 443.
41. Там же.